

Наш друг Ахмад Ходжа Аббас

Сергей БАРУЗДИН

рана», «Сын мой — враг мой», «Пшеница и розы». В творчестве этого человека, еще в студенческие годы примкнувшего к национально-освободительному движению, всегда на первом месте стоят острые социальные проблемы.

Мы сидим с Аббасом в его маленькой квартирке в Джуху — северном районе Бомбея, на улице Чорч-роуд. Квартирка действительно небольшая, хотя район этот считается феенебельным.

Прежде Аббас жил здесь со своей женой, но после ее кончины поселил у себя племянницу с большой семьей, и в доме стало тесновато. Чтобы не мешать детям укладываться спать, мы сидим в прихожей. На стене красочный календарь «Совэкспортфильма».

— Какое произведение из всего написанного вами больше всего вам по душе? — спрашиваю я.

— Пожалуй, «Сын Индии», — отвечает Аббас. — Это мой первый серьезный роман, в нем

много автобиографического и он напоминает мне молодость.

— А из фильмов, — продолжает он. — мне больше всего по душе «Афанасий Никитин», сценарий которого я писал вместе с М. Смирновой. И вообще после успеха на советских экранах моих «Бродяги» и «Господина чыгырста двадцать» с Раджем Капурем в главных ролях я очень дорожу тем, что «Афанасий Никитин» было поручено писать мне. Не знаю, как у вас в стране, а в Индии этот фильм пользовался огромной популярностью. А здесь это не такое уж частое явление, ибо индийский кинозритель своеобразный...

Я спрашиваю Аббаса, над чем он работал в последние годы.

— Писал роман «Наксалиты» — о сложном явлении современной жизни Индии, — говорит он. — Кто такие наксалиты? Это террористы маоистского толка, получившие свое название по имени деревни, в которой зародилась первая банда. Сейчас маоизм в чистом виде, пожалуй, ушел на второй план, но душок его, как говорится, остался. Яв-

ление это отвратительное, и разоблачение его было моей главной задачей. Делаю я это на примере судеб шести молодых людей, примкнувших к наксалистам. Надо сказать, что писался роман долго, но когда был закончен, я тянул с его изданием. Сразу же засел за киносценарий по этому роману, а потом стал делать по нему фильм. Это первый мой фильм, в котором я выступаю в трех качествах — сценариста, режиссера и продюсера. Последнее оказалось самым сложным в наших условиях. У меня остро не хватает денег. Роман вышел в конце прошлого, 1979 года, а сейчас и фильм уже почти готов. Ежедневно сижу в монтажной лаборатории по пятнадцать — шестнадцать часов. Вот и сейчас, только перед вашим приездом вернулся домой. Пропадал там с раннего утра.

Мы пьем традиционный индийский чай с молоком.

— Индийское кино — штука сложная, — продолжает Аббас. — В прошлом году у нас, представляете себе, было выпущено на экраны 700 полнометражных

художественных фильмов. Это огромная цифра. Но, к великому сожалению, подавляющее большинство этих фильмов — чисто коммерческая продукция, далекая от настоящего искусства. Более того, делается она по одному принципу: страсти и ужасы, сопровождаемые песнями и танцами к месту и не к месту, и обязательно счастливый конец. Увы, находятся теоретики, которые доказывают, что индийскому зрителю нужно именно такое, с позволения сказать, искусство. Он, мол, приходит в кино посмотреть на красивую жизнь и чужие страсти, а своих страстей и проблем видеть на экране не хочет. Вот почему в этих условиях «пробывать» такой фильм, как «Наксалиты», безумно трудно. Я понимаю это и все же работаю с большим увлечением. Убеден, что индийскому зрителю нужны современные остросоциальные фильмы. Это единственный путь к настоящему искусству.

— А над чем вы работаете еще? — спрашиваю я.

— Продолжаю увлекаться чистой журналистикой, — признается Аббас. — Пишу для газеты «Блиц» обзоры литературы и политических событий, внутренних и международных. Пишу на трех

языках — английском, хинди и урду. Последний мой такой материал назывался «Когда приходит черный человек» и был посвящен освобождению африканских негров от чужеземных угнетателей, в частности на фактах родезийских событий.

И опять наш разговор возвращается к кино, теперь уже советскому.

— Я с гордостью храню пропуск на киностудию «Мосфильм», — говорит он. — Я был в вашей стране тринадцать раз, в разное время года, но мне никогда не было у вас холодно. Прекрасно знаю Москву, Ленинград, Тбилиси, Ташкент, Волгоград. Отличные города, великая история и удивительные люди!

— А каковы тенденции современной индийской литературы? Хотя бы коротко, — интересуюсь я.

— Их две, — говорит Аббас. — Одна прогрессивная, реалистическая, даже с зачатками социалистического реализма. Вторая — откровенный скепсизм, отрешенность от жизни. К сожалению, это задевает и литературную молодежь. Многие из молодых, кроме того, подвержены явно западным влияниям.

— А какая все же сильнее? — Конечно, прогрессивная!

— А вы сами оптимист или пессимист?

— Оптимист до мозга костей! Доходит ли кино, литература и вообще искусство до индийской деревни?

— Увы, почти нет... И еще я хочу сказать, — неожиданно переключается Аббас на другую тему, — что я с огромным уважением отношусь к вашей стране за ее постоянную приверженность к миру. Если бы не было вашей страны, не знаю, что еще могло бы произойти в нашем беспокойном мире.

...Время позднее, да и работал Аббас сегодня много.

Дарю ему на память деревянную вятскую игрушку.

Аббас ласково смотрит на нее, признается:

— Жаль, что не был на севере России!

Он достает с полки одну из последних своих книг «Новая земля, новые люди» и пишет на титульном листе на хинди: «Дорогому городу Нуреку и всем, кто живет в нем, мои самые сердечные пожелания! Х. А. Аббас. 14.III-80 г.».

Мы прощаемся.

Счастия вам, наш добрый друг Аббас, большого счастья!

БОМБЕЙ—МОСКВА.